

Хамуталь БАР-ЙОСЕФ (Израиль)

Известный израильский литературовед, поэт, переводчик, многократный автор альманаха «ДИАЛОГ» в разных жанрах: стихи, литературоведение, эссеистика – перевод Якова Лаха (Израиль), проза – перевод Светланы Шенбрунн (Израиль).

Родилась в 1940 году в кибуце у озера Кинерет. После Войны за независимость, в которой семья потеряла единственного сына, ее родители покинули кибуц. В возрасте 20 лет получила диплом бакалавра философии и ивритской литературы и вышла замуж за известного драматурга, Йосефа Бар-Йосефа. В 29 лет была матерью четверых детей. В 33 года стала магистром сравнительного литературоведения, а к 40 годам – доктором философии в Иерусалимском Университете. С 1987 по 2003 она преподавала на факультете ивритской литературы в Университете им. Бен-Гуриона в Беэр-Шеве. С 1976 года живет в Иерусалиме.

* * *

Сердечно поздравляю создателей, редакторов, авторов, переводчиков, художников, всех причастных к долголетию издательского проекта «Российско-израильский литературный альманах еврейской культуры “ДИАЛОГ”». Новых творческих удач!

МЕТАФОРЫ – ЗАГАДОЧНЫЙ ЯЗЫК¹

Израильская поэзия – еврейская ли она?

Несколько лет назад я слушала в Бостоне лекцию писателя Аарона Аппельфельда о том, что происходит в израильской литературе. Он сказал, что израильская литература является «региональной», местной; великая традиция еврейской литературы – традиция Гейне, Кафки и Агнона – почти пресеклась в Израиле с уходом последнего. Он не сказал, кто её всё-таки продолжает; во всяком случае, из его слов можно было понять, что интересующийся традицией еврейской литературы, не найдёт почти ничего в литературе израильской. Верно ли это, точно ли? – недоумевала я тогда в состоянии некоторой подавленности, и пережила это снова, когда мне, в рамках программы изучения еврейской культуры, пришлось преподавать новую ивритскую литературу в Московском университете и убедиться, что в Москве, как и во многих других местах, не уверены в уместности включения израильской литературы в программу для еврейских студентов, интересующихся своими корнями. Я задалась вопросом: неужели поэзия Генриха Гейне, Осипа Манделштама и Пауля Целана является более еврейской, чем поэзия таких поэтов, как Ури Цви Гринберг, Натан Альтерман, Хаим Гури, Амир Гильбоа, Иегуда Амихай, Дан Пагис, Зельда, Моше Сартель, Итамар Яоз-Кест, Яир Горовиц, Адмиэль Косман, Ривка Мирьям, Йонадав Каплун, Хава Пинхас-Козн, Йосеф Озер, Шалом Рацхаби, Мирон Изаксон, Эстер Этингер, Таня Адар, Рут Блумерт, Шуламит Хава Леви, Браха Корзакова, Амира Гесс, Эйла Бат-Цион, Шимон Шлуш, Хавива Пдая? И перечень этот, конечно, не полон.

20 сентября 1967 года Йона Волах, молодая поэтесса, родившаяся в Израиле и жившая в Тель-Авиве, писала Зельде, религиозной поэтессе, принадлежавшей к хасидскому* семейству Шнеерсон, родившейся в Екатеринославе и прожившей большую часть своей жизни в

Иерусалиме: «И я пишу вам сейчас о тех сильных вещах, которые вызваны во мне вашими стихами: вы создаёте мир, Зельда. Это предел, которого поэт способен достичь. И этот мир меня делает доброй, и красота, принесённая вами, изумляет меня, поражает печалью, и я хорошо помню, что я еврейка... С любовью, уважением и почтением, Йона».

Является ли израильская поэзия – или какие-то её части – поэзией еврейской? И в каком смысле?

Кроме случайной и поверхностной обработки материалов, публикуемых в литературной периодике («Мознаим», «Димуй», «Псифас»), вопрос этот, который для литературоведа Баруха Курцвайля был «фундаментальной проблемой нашей новой литературы», не удостоился в Израиле серьёзного академического исследования, в то время, как историки обнаруживают всё большую близость между израильской сионистской культурой и еврейским религиозным наследием. Сионисты мечтали о стране, в которой евреи станут большинством для того, чтобы иудаизм как культура смог развиваться без опасности вымирания. Этим отличался сионизм от движения Просвещения (1) и идишского «Бунда» (2). В Израиле развилась новая еврейская культура, культура еврейского большинства, которая не может и не должна быть похожей на иудаизм местечка. Эта культура несёт в себе очень чёткие еврейские признаки, даже когда она принадлежит самым что ни на есть светским израильтянам, выросшим, однако, в государстве Израиль. Ритм жизни в стране (суббота, праздники), израильское образование, даже средства массовой информации – всё это наполнено иудаизмом, ведётся и звучит на языке иврит и заведомо предполагает знакомство с Библией и с многовековой еврейской литературой. Пинхас Садэ выразил сложившийся в стране синтез еврейского и израильского в стихотворении, описывающем рынок «Маханэ Иегуда» в Иерусалиме накануне субботы:

*... что человеку необходимо? Несколько апельсинов. Маслины. Селёдка из бочки.
И синагога тут... Лавки по большей части уже закрыты.
Вот одна, светом бледным освещена.
Клочок объявленья полощется на ветру: «Благословен праведный суд... с
прискорбием...»
Я думаю, яблок кило куплю. Может, и несколько пир.*

(Из книги «Пою я, как птичка»)

В израильской поэзии существует постоянно действующий канал связи с еврейским наследием. Академическое же литературоведение довольно долгое время не обращало внимания на религиозный аспект ивритской поэзии, написанной до провозглашения государства (более осязаемый в стихах мужчин, чем женщин). И теперь литературоведы продолжают игнорировать захватывающее, неповторимо израильское явление связи с еврейским наследием – на различных уровнях – поэтов и поэтесс, отнюдь не соблюдающих религиозные обряды.

Что такое – еврейская литература? На мой взгляд, это литературный текст, выражающий неким образом связь пишущего с историческим и духовным наследием еврейской культуры. Это не только произведения, рассматривающие судьбу и сущность еврейского народа или посвящённые переживаниям, связанным с еврейской религией, но также и всякий текст, который мог быть написан только обладателем еврейского культурного багажа. Само использование иврита, даже в обществе, стремившемся к секуляризации святого языка, не позволяет совершенно отстраниться от еврейского наследия. Иврит полон идиом и словесных оборотов, связанных с еврейскими традициями. И это в особенности относится к литературному языку, а ещё более – к языку поэтическому. Любой израильский поэт, каким бы светским и космополитичным он ни был, касался в своём творчестве этих

основополагающих пластов. Всякий переводчик с иврита может рассказать о проблемах, встающих перед ним в связи с естественными языковыми отложениями, которые сам поэт часто обнаруживает, лишь работая со своим переводчиком. Ведь естественность, с которой светские израильские интеллектуалы обращаются в своём сознании и в своей речи со знаками еврейского наследия, и уверенность в том, что читатель их обнаружит и поймёт, – ведь именно это и объединяет израильское еврейство.

С какой естественностью вводит понятие «осень» молодая Далия Равикович, написав: «...светильник восемь свечей зажжёт» (в стихотворении «Времена года»). Так же непринуждённо писала Йона Волах: «моё сознание тает, как поминальные свечи на Йом-Кипур*» (из книги «Поэзия»). Метафоры – загадочный язык. Но ты можешь сказать: «и во рту у меня будто сладкий мёд» лишь тому, кто со вкусом мёда знаком. Поэт может использовать метафору «поминальные свечи на Йом-Кипур» только в той среде, где впитанная с молоком матери еврейская традиция – неуловимая как воздух основа еврейской культуры.

Еврейская составляющая израильской поэзии проявляется и в её связи с нашей историей, в особенности, с Катастрофой. Единодушием по отношению к ней пронизаны и система просвещения, и вся израильская культура. Ури Цви Гринберг, Хаим Гури, Тувия Рибнер, Амир Гильбоа, Иегуда Амихай, Дан Пагис, Ривка Мирьям, Итамар Яоз-Кесет, Таня Адар и многие другие отразили эту тему в своих стихах. Однако Катастрофа европейского еврейства – лишь одна из сторон иудейского единодушия в израильской поэзии, и отнюдь не главная. Вот стихотворение Амира Гильбоа, написанное после снятия блокады Иерусалима в войну за Независимость:

*Мы снова были как во сне (3),
с единым восстанавливая связь.
В Иерусалиме снова золотились крыши
под солнцем молодым.
В мечте или во сне
по лестнице взойти
к единому стремясь.*

(Из книги «Песни раннего утра», 1953)

В День Независимости 1966 года Ривка Мирьям, уроженка Израиля, тогда ещё ученица средней школы, написала:

*...он шёл в никуда, мой народ.
Слышу, как изнутри в глубокой тиши неожиданно струны дрожат.
Я нутро свое разорвала, по ветру его рассею,
моего не осталось тела,
в дрожи закрыла глаза и увидала,
как из меня выходит народ.*

(Из книги «Я утонула в окнах»)

Иудаизм присутствует в израильской поэзии и как выражение духовного переживания, связанного с иудейскими святынями. Вот уже около ста пятидесяти лет ивритская поэзия находится под напряжением, исходящим из двух источников: западный космополитизм с одной стороны, и модернистский неомистицизм – с другой. Мистическая поэтика символизма, в основном, в её русской версии, оказала существенное влияние на поэтов, писавших на иврите в первой половине XX века. Они соединили её (естественным образом) с еврейской мистической традицией и передали своим наследникам в израильской поэзии.

Сплетение это подверглось нападкам и было отброшено в пятидесятые-шестидесятые годы, признаки той «революции» явственно различимы в творчестве Амихая, Заха, Пагиса, Авидана, Далии Герц, Меира Визельтира и других. Но мистика вернулась в израильскую поэзию в конце шестидесятых и далее с Зельдой, Яиром Горовицем и Йоной Волах, это направление продолжается и крепнет во многом благодаря росту числа поэтов религиозных или воспитанных в религиозном духе.

Безразличие к этому аспекту израильской поэзии и его недооценка приводят, возможно, к утрате самых красивых, необходимых и обнадёживающих вещей, созданных израильской культурой. Израильская секулярность должна бороться не только за ослабление уз религиозного канона в нашей современной действительности (например, работа общественного транспорта по субботам и совместное сидение мужчин и женщин в синагогах), но и за признание и почитание евреями в стране и за её пределами новой еврейской духовности, сложившейся, так или иначе, в Израиле, где еврейская культура, с её достоинствами и недостатками – культура большинства. Израильская поэзия является наиболее ясным выражением еврейского творческого духа в своей древней юной стране.

Перевод с иврита Якова ЛАХА (Израиль)

ЭССЕ НАПИСАНО И ПЕРЕВЕДЕНО ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В АЛЬМАНАХЕ «ДИАЛОГ».

(1) Еврейское идейное, просветительское, культурное, литературное и общественное течение (Хаскала: букв. «просвещение» – *иврит*), возникшее во второй половине XVIII века, выступавшее против культурно-религиозной обособленности евреев и видевшее будущее еврейского народа в усвоении светского европейского образования и продуктивизации труда (Здесь и далее – *примеч. переводчика*).

(2) Всеобщий еврейский рабочий союз («бунд»: букв. «союз» – *идиш*) в Литве, Польше и России, основанный в 1897 г. и входивший в РСДРП; Бунд выступал против сионизма и ведущей роли Израиля в жизни еврейского народа.

(3) Аллюзия к 126-му псалму: «Когда возвращал Господь нас в Сион, были мы как во сне».

Хасид (букв. «благочестивый» – *иврит*) – в Библии и раввинистической литературе праведник, отличающийся строгим соблюдением религиозных и этических предписаний иудаизма.

Йом-Кипур (букв. «день прощения» – *иврит*) – Судный день, в еврейской традиции самый важный праздник.

В ИЕРУСАЛИМЕ

* * *

В Иерусалиме

В палящий летний день

Дымящийся словно печь

В мгновение без сирен

Две желтые бабочки

На уровне глаз моих
В воздушном потоке
Порхают себе
Позволяют любви быть
Во множественном числе

* * *

на глазах десятилетней девочки
он убил отца, подругу отца и маленького брата
выходя из дома, написал на зеркале помадой убитой подруги отца
«мы не убиваем девочек». во множественном числе. видимо, с гордостью.

* * *

Из года в год
дождю все труднее справиться с изменениями климата,
из года в год он продолжает сражаться
и в конце концов он прорывается, появляется, стремится, струится,
словно радость моя, словно счастье такое.

МАЛОЕ СЧАСТЬЕ

Моя дочка, вдруг ставшая бабушкой там, в Ашдоде
попросила меня привезти к празднику из Иерусалима печеночный паштет
который я делала, когда она была маленькой.
И мама моя, тридцать лет уже как покойница,
просила меня, когда жила в Тель-Авиве.
Может, бабушка ей делала печеночный паштет.
Я знаю, что это не слишком-то симметрично, но вот оно
дало мне почувствовать себя одной из многих людей
в те времена, которые история описывает как страшные.

ПРОСЬБА

Если ты меня любишь

Смотри на меня как садовник на цветы сада
Кто пророс, кто увял, кто изменил форму и цвет.

Если ты меня любишь,
В семь глаз за мною смотри, как за младенцем –
Что там с цветом кожи, как понять выражение лица.

Если ты меня любишь,
Посмотри на меня, словно ты адвокат перед подписью на договоре –
А затем – будто военачальник на цель.

ПО ЭККЛЕЗИАСТУ

Есть строящий и есть разрушающий
Есть уничтожающий и есть сажающий
Есть убегающий и есть остающийся
Есть предающий и есть негнувшийся
Есть успокоенный и есть сердящийся
Есть помогающий и есть давящий
Есть раздражающий и есть умиротворяющий
Есть бросающий и есть собирающий
Есть говорящий и есть делающий
Есть сажающий и есть дергающий
Есть бросающий и есть хранящий
Есть делающий и есть хвалящий
Есть жалующийся и есть благодарящий
Есть сторожащий и есть спящий
Есть орошающий и есть сожженный
Есть удержавший и есть утомленный
Есть пишущий и есть зачеркнувший
Есть зреющий и есть плюющий
Есть молчащий и есть орущий
Есть любящий и есть пропащий

Есть разрушающий и есть возводящий.

Перевод с иврита Ольги Агур (Израиль)
